

18 Константин Кантор

Быстрее вечерних волков

Отрывки из маршрутного дневника



Константин Кантор

**Быстрее вечерних
волков. Отрывки
из маршрутного дневника**

«Издательские решения»

Кантор К.

Быстрее вечерних волков. Отрывки из маршрутного дневника /
К. Кантор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934723-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В
книге собраны различные отрывки из маршрутных дневников, (с
минимальной редактурой). С течением времени впечатления от экспедиций
блекнут, и только дневник сохраняет воспоминания, являясь своеобразной
«машиной времени».

ISBN 978-5-44-934723-7

© Кантор К.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Один ходовой день | 6 |
| Фотография | 9 |
| Путь на гору Ношак | 11 |
| Агон | 17 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 19 |

Быстрее вечерних волков

Отрывки из маршрутного дневника

Константин Кантор

© Константин Кантор, 2022

ISBN 978-5-4493-4723-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Один ходовой день

Через пятеро суток маршрута, когда мы набрали нужный темп, на нашем пути неожиданно оказалась пасека. Накануне, неизвестные пастухи стали отгонять от летовок (летних пастбищ), где мы сидели, отару на такую высоту, что дух захватывало, (даже, если смотришь на откос снизу вверх). Шафиков расценил этот ход, как преддверие визита к нам незваных гостей, поэтому решено было переправиться через реку, как стемнеет. Под ногами хрустели камешки, и бесшумно двигаться не особо получалось.

Воды было по колено, что сулило переход более-менее, без травм. Течение было сильное. Холодная вода подбадривала. Решили сохнуть на ходу, врубили крейсерскую скорость, и шли достаточно долго, пока не обсохли. Показалась луна. Она и высветила нам пасеку.

Хозяева пасеки показывали знаками подойти и разделить с ними стол. Мы, стоя, вежливо подождали за вылинявшей под горным солнцем палаткой – «памиркой», когда обитатели пасеки закончат намаз и попросили разрешения скинуть рюкзаки и попить чаю. Одного из присутствующих мы опознали, – накануне, на днёвке, Ренатыч, наблюдая за местностью, заметил парня в белой майке и синих трениках, который нёс по тропе навверх барашка. Этот парень был среди пасечников, – беззаботно улыбаясь, он колдовал над чайником. Познакомились. Его звали Саидмуммин, или проще – Саид. После долгих уговоров присесть мы тяжело опустились на скинутые рюкзаки, но нас буквально перетащили на тёплые и мягкие курпечушки. Трапезничали до поздней ночи. После мокрого перехода стал одолевать сон.

Я стал в полудрёме доставать из рюкзака палатку. Только вытащил край тента, как ко мне подбежал Саид и стал засовывать мой тент обратно в мой же рюкзак. Боролись долго. Нам показали место где ночевать, – старую, выцветшую до белого оттенка брезентовую палатку. Пришлось оставить надежду выставить нашу палатку. Загнездились в выцветшую «памирку».

Ночью мы подскочили от тревожного шиканья дежурных. Стали вслушиваться. Приехала машина, хлопнули двери, кто-то вылез и начал вежливый разговор со стариком. Старик ответил что-то. Приехавшие постояли минут пять, потом сели в машину, хлопнули дверьми и отчалили в обратном направлении.

Только утром, я сообразил, что выстави мы палатку, она сразу бы бросилась в глаза приехавшим, а в условиях бардака, когда очень прозрачна граница между своими и чужими, нам могло это выйти боком, потому что съёмочная группа, – это не только гости, но ещё и пожива, а также выкуп.

Провожать нас до кишлака, старик отправил Саида, чему мы были несказанно рады, – выросший в горах Саидмуммин видел и слышал дальше нас, горы знал, как свои пять пальцев, и был настроен более чем дружелюбно. Вместе с Саидом шагал его верный товарищ, – пёс Мадан с зелёным бантом на шее.

Мадан этот, при повышенной температуре воздуха, совершенно не соблюдал питьевой режим и вдоволь лакал из хрустальных ручейков, которые попадались на тропе, чем вызывал у нас искреннюю зависть. Людям пить вдоволь можно было только на закате, на биваке, да и не ледяную воду, а чай.

Обитатели пасеки надавали нам на дорогу огромное количество шариков курута, – козьего сыра. Курут нам был и перекусом, и утешением в пути.

Русским языком Саид практически не владел, о географии земли имел достаточно скудное понятие, однако это не мешало нам болтать совершенно искренне, о различных вещах. О том, как летает самолёт, о том, как лучше нести заплечный груз, а также о том, где лучше пить воду в горах и в какой час суток. Через пару дней дотопали под кишлак, и распрошались с весёлым пастухом.



Деревьев тут, кроме моментально сгорающей, с пряным дымом, фэйруллы, практически не было. Воду кипятили на кизьяках, отчего комбинированные алюминиевые котелки окрасились в оливковый цвет и стали прилипать к рукам. От доброты пастухов нам перепали бараньи шкварки, сухарь-лепёшки и много курута. Всё это существенно отягощало группу, но делало двухразовый приём пищи по-восточному колоритным. Чай закончился, вместо чая заваривали чабрец и мяту, которые росли тут в большом количестве.

Поскольку пастухи и их собаки, тоже ходят по радиальным маршрутам, наши с Саидом пути ещё раз пересеклись. Он упрямо ломился из кишлачной зоны с двумя связанными и перекинутыми через плечо пакетами. Мы наблюдали за ним в бинокль, пока он не пропал из виду. Направление он нам показал не совсем верное. Пока привязывались по карте, потеряли один ходовой день. Ворчали на Саида.

Ночью на перевале выпал снег. Нитка маршрута в очередной раз изогнулась в самом причудливом направлении. Следующей ночью какие-то бандиты пытались обстрелять нашу съёмочную группу, и пришлось бы очень туго, если бы не сверхчеловеческая интуиция Рената.

Почуввав неладное он дал нам на сборы в кромешной темноте около двух минут, после чего встал в «голову» нашей колонны и погнал нас вверх. По пути мы чуть не лишились жизни, зайдя на склон типа «бараний лоб». Сделав жуткий ночной набор, практически вслепую, мы угнездились за камнями и стали наблюдать во все стороны. Но главным образом следили за тем, что творится ниже. Глаз не сомкнули всю ночь. К рассвету Ренат с помощью бинокля удостоверился, что опасности нет и мы, наконец, сделали сброс к реке. Спали по очереди практически на склоне, а под головами шумела горная река.

Через месяц после возвращения, мне позвонил Ренатыч, и сообщил, что пойдя мы так, как хотели изначально, угодили бы точно бандитам в лапы. Восемь из них ушло в неизвестном направлении, одного поймали, он и подтвердил информацию о местоположении их лагеря.

Нас разделял ровно один ходовой день.



Фотография

Перед наступающими сумерками, к урюковому саду, где я гнезился со своей радиостанцией, подвалила толпа ишкашимской молодёжи.

Пойдём, почайкуем! – сказал старший из парней, в нахлобученной на голову пограничной панамке, полы которой были порезаны и причудливо закручены в узелки, как дреды у африканца.

Я глянул на свой «Гаррис», устремивший антенну вверх, на хозяина дома, по имени Бек, на его жену, которая шла с ведром воды с арыка, и отказался. Обычно молодые люди либо вежливо пытаются напоить гостя, либо рассчитывают на экспедиционный этанол. В этот вечер я опять трапезничал у Бека, пил горячий шир-чай с маслом, ел лепёшку, а потом, отвалившись на цветастую курпочушку смотрел в бездонное небо, которое в Азии кажется гораздо ниже, чем в привычной нам средней полосе.

На время акклиматизационного выхода группы мне предстояло сидеть на связи, для чего уважаемый Хан отдал нам ключи от своей квартиры, напротив ишкашимского базара. Однако первые дни мне не спалось под крышей, и собрав минимум вещей и радиостанцию, я побрёл куда глаза глядят. По пути мне попался землероб с ишаком, который на прекрасном русском языке осведомился, откуда я приехал. Я назвал, после чего он представился, сказал, что при Союзе было жить куда комфортнее, и пригласил выпить чая к себе в дом.

Дом представлял собой типичное памирское жилище, – с окном в крыше, пятью столпами, между полом и потолком и портретом Ага-хана, обрамлённым искусственными цветами. Больше всего поразила меня библиотека, где можно было встретить такие редкости как дневники Бисмарка в двух томах, издания тридцатых годов, много дореволюционной литературы, и огромное количество медицинской литературы. Оказывается, один из родственников Бека был врачом, учился и практиковал в Питере, и оставил в наследство солидную библиотеку.

Жить я перебрался в сад, чтобы не тревожить людей, оказавших мне гостеприимство. Они долго упрашивали перебраться под навес, но увидев, с каким комфортом я обитаю в палатке, и прослушав байки о ночных бдениях у радиостанции, оставили всё как есть. Утром я бегал два километра, в качестве зарядки, и только успевал здороваться с местными жителями на ходу. Потом мы завтракали и отчаливали на поле.

Один раз я потратил полчаса на то, чтобы спуститься к Пянджу по камням, заваленным бытовым мусором. Поглядел на ту сторону речки, куда предстояло отправиться через две недели. Ничего особенного. По склонам афганской стороны спешили копытные, пастухи. По дорогам пылили машины, как правило, внедорожники.

Пару раз я спрашивал у местных про мумиё. Говорили, что в данный момент мумия нету, а на афган-базаре покупать не стоит – похоже на подделку.

К пятнице мы сконнектились с Валеркой, который ехал присоединиться к нашей группе из Бишкека. По пути он намеревался навестить в Хорог, в афганское консульство, где ему должны были шлёпнуть печать в его загранпаспорт, и отдать на руки наши паспорта. К вечеру я уже ждал его напротив входа на притихший базар, около колонки с водой. Местные дети вертелись с ведрами тут же, норовя угостить урюком, или просто сказать что-нибудь по-русски, в знак уважения к гостю.

После восхождения и акклиматизации в Киргизии, организм Валерия требовал пожрать, и поэтому мы отложили поход к Беку на лепёшки, наведались в ближайшую лавку, прикупили макарон, чаю и пару дынь, и пошли пировать в квартиру Мурадбека. Отметить, так сказать, торжественную смычку. Оставшееся время пребывания в пограничном Ишкашине, перед переходом в афганский Султан-Ишкашим, мы дефилировали между рынком, квартирой

и Бековыми апартаментами, заходя в урюковый павильон ко времени регламентного выхода на связь.

К моменту возвращения группы связь пропала совсем. Мы стояли с Валерием на дороге, и оживлённо спорили. По всему выходило, что нам надо собираться и ехать искать пропавших, по приблизительной нитке маршрута. С жаром жестикулируя, решали, когда выдвигаться и что брать с собою. Такими спорящими нас и засняли вернувшиеся на день раньше остальных Андрей Громов и Ренат Шафиков. Фотографию эту я храню до сих пор. На обороте Ренат каллиграфически вывел :

«Валера и Костя спорят о времени выхода на поиски нашей группы».



Путь на гору Ношак

В Хороге, коротая время ожидания перед консульством, мы расположились по двум сторонам дороги на бетонных плитах и перекрикивались друг с другом на потеху прохожим.



Но перейти границу в день получения виз, мы так и не смогли. Пришлось заночевать у родных Муродбека в Ишкашимае, и наутро опять придти к мосту по холодку.

На афганском посту у группы неожиданно – негаданно отобрали бензин, хотя мы отлично видели, как немецким специалистам, бензин оставили.

Пограничники очень удивились, когда при досмотре вещей обнаружили купленный еще в России целлофановый пакет с изображением дамы неглиже. За порнографию и эротические изображения в Афганистане полагается очень строгое наказание. Но на наше счастье, пока мы маршировали в Ишкашимае, Бахмуров ночью заклеил на пакете голые женские сиськи армированным скотчем. Пограничники были поражены и попросили нас сначала отдать этот пакет или обменять, а потом и продать. Но тщетно.

А вот бензин мы так и не уберегли.

Пришлось кормить примуса бензином, купленным на шумном рынке в Султан – Ишкашимае. Пока мы делали разрешения – пермиты, и регистрировались в местном МВД, мимо нас дефилировал представитель местных служб, в чёрной олимпийке, который сначала наблюдал за нами, стоя недалеко от КПП, а потом проявлялся на нашем маршруте до Казидеха, сохраняя, впрочем, дистанцию.

В Казидехе, мы стали жертвами местного гостеприимства, и потеряли ещё один день. Весь вечер представитель местной турфирмы, отчаявшись пожить нашими грошами, пытался навязать нам проводника, который знает тропу, и поможет избежать мин. Но позже

оказалось, что одному ему будет скучно, и поэтому надо оплатить двоих проводников, а также ишака... Ишаку в свою очередь, тоже могло быть скучно, поэтому неизвестно, чем бы закончилась эта эпопея, если бы мы согласились на условия местных жителей.



Оказалось, что местный «полупроводник» выше 2500м не поднимался, потому что для выпаса скота там мест практически нет.

Группа решительно отказалась от проводников, спокойно переночевала в местном саду, никому не заплатив ни копейки, и утром, отвязавшись от назойливых хозяев, стартанула по ущелью наверх. Приезжая в Афганистан, надо приучить себя торговаться до последнего, иначе есть риск уехать вообще без копейки.

Модус такой:

«Не торгуешься – не человек»

Старт начали лениво: – организм, расслабленный сиденьем без дела в Ишкашине разогнался долго.

Скорость несколько снижалась на опасных участках тропы, где следовало быть внимательными к тому, что имеется под ногами. Некоторое время в голове колонны шёл Ренат, и тщательно осматривал лежащее перед ним пространство на предмет мин.

После набора 500м по высоте, опасных участков стало меньше, а идти стало легче. Скорость увеличилась, однако потеря времени навёрстывалась медленно. Перекусывали на хрустальных ручейках, отдыхали по очереди, и потратив час-полтора шагали выше.

Из человеческих следов на тропе были только следы резиновых сапог одного пастуха, что встретился нам на второй день пути.

Тропа ясно читалась под ногами, и по карте выверяли только пройденный километраж. Но и так всем было ясно, что надо идти вперёд и вверх по ущелью реки Казиди.

Около третьего дня пути набор увеличился, и дышать стало труднее, всё чаще приходилось стоять, уперев палки в плечи и глотать сухой воздух. А в горле в это время было ощущение битого стекла и великая сушь. Однако головные, (Чижик и Апраксин с Бахмуровым), держали

запредельный темп. Иногда, смотря снизу вверх, на их уверенные шаги по склону, приходилось только удивляться такой потрясающей выносливости.

На стоянке Андрей Громов, который соединял функции фотографа и медика, наделял группу витаминками, умудряясь при этом фотографировать обгоревшие и опухшие рожи, со следами простуды на губах. Так в марше наверх прошло три дня.



На 5000м поставили базовый лагерь. Когда группа восхождения и группа сопровождения, стартанули наверх, мы с Ренатом соорудили по периметру лагеря невысокую каменную стенку, расчистили место под ещё одну палатку, на случай экстренного спуска групп.

С каждым днём стенка всё росла и росла в высоту.

Слева от пяти точек, ползущих вверх по леднику, с оглушительным грохотом сошла пушистая белая лавина. Навредить им она не могла, однако нам было тревожно наблюдать это снизу.

Группа сопровождения, (Андрей и Валера), вернулась через два дня. Как раз успели к чаю, который мы приготовили, используя сжигаемый мусор как топливо.

Ночью смотрели на вспыхивающие в тёмном небе зарницы.

На следующий день Валера, Ренат и я отправились потренироваться в ледовом лазании по леднику. Это действие имело своей целью, улучшить нашу высотную акклиматизацию, и отработать экстренный подход к группе восхождения, на случай несчастья. В общем, кувыркались мы часа четыре, и к ужину вернулись в базовый лагерь. После набора и спуска спалось очень спокойно. Воздуха хватало, никто не задыхался. Однако лица у всех были, как после недельного запоя.

Очень хороший способ дать себе нормальный сон в лагере: – сделать набор 200м – 300м, погулять. Потом, по возвращении в лагерь дышаться будет легко.



Само восхождение Чижик, Денис и Юра начали неожиданно, взошли на 7492, что называется, «на кураже», опережая все запланированные сроки. До нашей группы на высшей точке Афганистана побывала польская группа. Об этом свидетельствовал медальон с изображением А. Мицкевича в перевальной записке, упрятанной в каменный тур на вершине.

Начался нелёгкий спуск вниз.

Потому что спуск это всегда тяжёлое мероприятие, намного тяжелее набора. Решительность Чижика, во взятии вершины подарила группе пять лишних дней. В тот же день в базовом лагере собралась вся группа и отпраздновала успешное восхождение. Излишек раскладки мы оставили в мешках, привалив их камнями, весь мусор нещадно пожгли, и не теряя времени начали скатываться вниз. Предстояли долгие диалоги с обитателями афганского КПП, так как мы попадали в их странный график выходных при переходе границы. Погода благоприятствовала нашей концессии вплоть до 31 августа. Потом вдруг неожиданно начало моросить, небо стало хмуриться и погода словно подгоняла нас вниз. Но чем больше группа делала сброс по высоте, тем легче дышалось и шагалось.



Опасные участки тропы мы пролетели достаточно стремительно. Словно гора говорила нам: – «Вам дали насладиться победой, пора и честь знать!»

Перед выходом в Казидех, мы встали на небольшой удобной площадке на берегу реки, и решили переночевать, чтобы наутро выйти «в люди». По вечерам вокруг селения могло быть опасно. На обратном пути нас ждали приятные сюрпризы. Муродбек договорился о том, что нас, как дорогих гостей примет в Казидехе местный духовный лидер – Шо Лянгари. Смотреть на нас прибежали почти все обитатели близлежащих домов. Мы раздали детишкам остатки шоколада из раскладки, и они довольные, побежали по домам. Их родители приходили смотреть на русских по очереди. Мужчины, заходили, глядели и выходили. Женщины хихикали, глядя на нас через открытое окно.

А группа спала себе безмятежно.



АГОН

По слову исследователей античных текстов, древнегреческое слово «агон» означает миг максимального умственного и физического напряжения, (например, во время погребальных состязаний, – состязаний в честь погибших воинов).

Всё-таки агон действие ритуальное и рассматривать его как некое спортивное мероприятие, – не вполне корректно. Наш зимний выход в горы афганского Бадахшана стал для меня символом такого агона. Пока мы добирались за визами в Хорог, покупали провиант и бензин, а потом караваном ехали в Ишкашим, в душах зрело предчувствие состязания с самым сложным противником, – с собой. Переход афганской границы и оформление пермитов в Султан-Ишкашине, были для нашей группы уже привычным делом и тоже не пугало.

Древние люди любили говорить красиво, (вспомним речь Ахилла в собрании мужей, – его речь построена по всем канонам античной риторики, и даже швыряние жезла оземь, – тоже своеобразная фигура речи, вернее, знак гневного и презрительного окончания речи). Соответственно, – если уподобить бадахшанских мужей древним, и говорить размеренно, но лаконично, следя за своими эмоциями и жестикующей, можно добиться успеха в любых переговорах. В Лянгаре было холодно, и у духовного лидера провинции, – Пира Шо Лянгари мы жили, проводя дни в коротких перебежках между административными и полицейскими укрепленными сараями и дуканами. Покупали шоколад, самосад мерзкий грязный бензин (для мультитопливной горелки). Организм ещё не включился в работу, и поэтому вся группа мёрзла на любом месте и ходила в пуховиках даже в нагретых помещениях. Пару дней мы «праздновали лодыря» потому что Санглич попытались захватить недружественные режиму группировки и ехать в Лянгар было нельзя. Когда мы ехали по горной дороге в сторону Лянгара, то различили звуки выстрелов. До последнего мозг каждого слышавшего сопротивлялся, отказываясь верить, что звуки хлопков, где-то вдалеке на периферии морозного пространства, – это выстрелы. Эта тревога не была агонем, – за рулём колесницы сидел человек из дома Шо Лянгари, и наши жизни целиком зависели от его навыков. Внутренне я весь сжался, сжал челюсти, так, что зубы закричали и оскалились. Время потекло очень медленно. Колесничий крутил головой, чуть ли не на триста шестьдесят градусов, как будто хотел углядеть стрелявших, (очень вредная привычка, – водитель должен следить за дорогой). Я сделал то, что умею делать очень хорошо, – высунул в окно камеру и нажал на кнопку «гес». Наш стратег заставил водителя продолжать движение. Голос у него был как у робота, – со стальными обертонами. Задача была простая, – ехать во что бы то не стало, не останавливаясь. Так было больше шансов не превратиться в мишень.

Когда звук выстрелов стих пропал и страх. Все принялись шутить. Водитель даже врубил кассету с песнями Ахмеда Зоира. Песни Зоира были вполне себе европейские, – можно было уловить и мелодии АББЫ, переложенные на восточный манер. Пришло время покидать тёплый салон автомобиля, – наш Стикс мы переплыли. Теперь, по законам мифа, оглядываться назад и сожалеть нельзя, – иссякнут моральные силы. Мы растентовали багажник и сгрузили наши рюкзаки. Вот теперь вес, который предстояло нести на своих плечах был очень в тягость. Это те же тридцать килограмм, что и всегда, – но первые дни марша этот вес прижимает тело к земле. Мы распрощались с водителем, условились о дне и точке randevu через две недели. Он помахал рукой, прыгнул в свою украшенную портретом Ага-хана колесницу и укатил в Лянгар.

Нам нужно было, не смотря на мороз, снять с себя пуховики, запаковать их под клапана рюкзаков и отчалить наверх, – к безымянным высотам. Первые два дня шлось тяжело, но это не было агонем. Обычный марш, – не более того и не менее того. Угрюмые облака нависали над горными грядками, и солнце больше не показывалось и не радовало нас теплом. Словно мы погрузились в мрачное и холодное царство Аида. Не в само царство, но в его преддверие.

Заход на ночёвку мы сделали по ранним сумеркам. Поставили три наших палатки, напилили лавинной лопатой снежных кирпичей и обложили наши кущи. Первую ночь собрались в командирской палатке и устроили возлияния. Ночью температура была -35, но от общей усталости и угнетённости организма, холод ощущался не критично. Помню, как ночью много раз ворочался на пенке, и чувствовал, как через щели и трещины моего каримата уходит драгоценное тепло. Потом я забывался коротким сном и крутился на куске своего коврика, боясь съехать с неё и отморозить какую-нибудь важную часть тела. На вторую ночь шагалось уже легче, вещи в рюкзаке легли как надо, а в сон я провалился без сновидений.

Агон начался в тот день, когда мы, следуя вниз, обессиленные, решили сделать ночёвку, на берегу реки, имея в предмете выйти на следующий день в точку финиша. Я шёл крайним, отставая от всей группы минимум на час. Мыслей в голове никаких не было. Для того, чтобы упереться палками в камни и сделать шаг, мне требовалось собрать всю волю. Мысли разъезжались. Было настолько тяжело, что я не мог даже поднять взгляд на удаляющуюся группу, – а это было очень важно, – сквозь пасмурное, недоброе небо засечь место, где они перешли на противоположный берег реки. Иногда я терял равновесие, или палка застревала между камней. Мне было безразлично, – упаду я или не упаду. На очередном повороте тропы я увидел Тунгуса, сидящего на камне. Он ждал меня. На спуске с отвесной стены у Тунгуса выскользнули из-за оттяжки рюкзака дуги от палатки. Ему тоже было нелегко, но насколько нелегко, – неизвестно. Мы шли в полном молчании, так как сил, чтобы говорить не было. Правая нога, на которой мне делали операцию металлоостеосинтеза (вставляли железки), опухла. И каждый шаг приносил боль. Потом эта боль хоть и не ушла, – но я перестал обращать на неё внимание. На острых гранях тропы никто никого не страховал, – (каждый страхует себя сам). Я понял, что если упаду и убьюсь, – это не принесёт облегчения. Также я знал, что если встану столбом, чтобы отдышаться, я могу просто соскользнуть вниз и получить либо травму, либо смерть. Поэтому я старался как мог идти вперёд. Через десять часов непрерывного марша мы достигли ровной площадочки на правом берегу реки и развели костёр. Тунгус ставил свою палатку с моими дугами. Спать решили в тесноте. Пеммикан съели едва тёплый, запив холодной водой из термоса (термоса заправляли десять часов назад). Когда я залез в спальник и вытянул разутые ноги в блаженной истоме, поступил приказ вставать, собираться и пилить вниз ночью. Ситуация в провинции поменялась, водитель вышел на связь и сообщил, что нам надо спешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.